

Е.Е. БОЧАРОВА

Педагогический институт Саратовского государственного университета

E-mail: bocharova-e@mail.ru

Елена Евгеньевна Бочарова — кандидат психологических наук, Педагогический институт Саратовского государственного университета им. Н.Г.Чернышевского, кафедра психологии образования, доцент. E-mail: bocharova-e@mail.ru.

Готовность к риску как личностный потенциал субъектной регуляции

В статье предпринята попытка проанализировать готовность к риску как личностный потенциал субъектной регуляции. Представлены результаты эмпирического исследования готовности к риску в соотнесении с характеристиками саморегуляции и субъективного благополучия личности.

Ключевые слова: готовность к риску, саморегуляция, субъективное благополучие, личность.

Е.Е. BOCHAROVA

Readiness for Risk as Personal Potential of Subject Regulation

In article attempt to analyse readiness for risk as personal potential of subject regulation is undertaken. Results of empirical research of readiness for risk in correlation with characteristics of self-control and subjective well-being of the person are submitted.

Key words: readiness for risk, self-control, subjective well-being, person.

Стремительно изменяющаяся социальная реальность, сопровождающаяся процессами глобализации, информатизации, характеризуется неоднозначностью социальных преобразований, возрастанием роли социальных рисков. Особую значимость в этих условиях приобретает способность человека оперативно реагировать на внешние изменения социальной среды и гибко регулировать свою активность соответственно значимости этих изменений, принимать решения о том, как действовать в ситуациях неопределенности и риска. Именно поэтому, в последнее время, внимание исследователей обращено к изучению проблемы социальных рисков, в частности, к поиску тех внутренних факторов, обуславливающих «рискованность» личности, её

готовность к риску, как активному противостоянию жизненным обстоятельствам.

В современных психологических исследованиях риска отмечается признание статуса готовности к риску как разноуровневой характеристики. Так, готовность к риску понимается как: позитивная характерологическая составляющая «храбрости» (П. Вайнцвайг), личностное свойство, склонность к поиску острых ощущений (Г. Айзенк), симптомокомплекс личностных черт (Ю. Козелецкий), проактивная форма поведения субъекта и активность интеллектуального опосредствования принятия решений, характеристика когнитивного стиля человека (О.В. Тихомиров, М. Петцольд, Г. Никель и др.)¹. В работах В.А. Петровского показано, что готовность к риску в мышлении и готовность к риску на уровне надситуативной активности предполагает разные проявления функциональной активности субъекта в развертывании предвосхищений и процессов опережающего «метаконтроля»². Мышление выступает в качестве процессов, подчиненных личностной саморегуляции. Вместе с тем, как отмечает Т.В. Корнилова, риск в мышлении можно рассматривать как основание риска в действии³.

Готовность, согласно концепции В.А.Петровского, предстает как динамическое образование, определяемое активностью самого субъекта, связанное с самодвижением деятельности, актуальной причинностью в системе побудительных факторов⁴. Именно, «надситуативная активность» фиксирует факт существования таких тенденций, в которых субъект возвышается над ситуацией, преодолевая ситуативные ограничения на пути движения деятельности. Но, преодолевая препятствия, ограничения на пути движения деятельности, субъект преодолевает себя, реализуя свои субъектные возможности и потребности преодоления себя в подтягивании к общественно задаваемым «мотивам», целям, средствам, реализуя необходимость состояться и утвердиться в своей самости. И в этом плане, надситуативная активность личности выступает как самоосуществление ее в отношении: к предметному миру, к миру людей, к своему внутреннему миру. Весьма существенным является и то, что

представленность личностной активности связывается с механизмами принятия риска на разных уровнях регуляции: от преодоления реактивного до уровня сознательного и ценностного отношения к принятию риска. Так или иначе, можно обозначить две тенденции в понимании готовности к риску. Первое, когнитивистское, объединяется в представлениях о когнитивном ресурсе, интеллектуальном диапазоне, интеллектуальном потенциале. Второе – скорее связано с представлениями о личностном потенциале, не имеющем отношения к интеллекту как источнику регуляторных возможностей.

Отметим, что накопленная в психологических исследованиях эмпирическая база подготовила достаточные основания для теоретических обобщений, трактующих готовность к риску как проявления субъектом потенциальных возможностей в управлении им ситуацией в сочетании с неопределенной оценкой самого потенциала этих возможностей. Тогда склонность к риску может означать не отказ от развертывания ориентировки в ситуации, а готовность к самоконтролю действий при заведомой неполноте или недоступности необходимых ориентиров, а также готовность полагаться на свой потенциал. В связи с этим, готовность к риску достаточно тесно связана с представлением человека о себе как источнике дальнейших преобразований ситуации неопределенности, их подконтрольности в субъективной интерпретации причинности развития событий⁵. При высокой оценке собственных возможностей и усилий человек может субъективно оценивать ситуацию для себя как менее рискованную, чем она представляется внешнему наблюдателю. Сознание меры собственных возможностей во многом определяется системой эмоционально-оценочных отношений человека к различным сторонам своей жизни, деятельности и самому себе, рассматриваемое нами как субъективное благополучие, регулирующее объем и меру активности личности, отражающее потенциальную готовность принятия или избегания риска. При этом оценка своего возможного складывается на основе уже достигнутого. Вместе с тем, оценка своих возможностей и готовность к их реализации проявляются в характеристиках функциональной взаимосвязи регуляторных

образований личности.

В работах Т.В. Корниловой было предложено рассматривать готовность к риску как свойство личностной саморегуляции, проявляемое человеком при принятии решений и выборе стратегий поведения в условиях неопределенности⁶. Состоявшийся выбор, по сути, связывается со способностью выдвигать цели своей активности, представлять и выявлять условия их достижения, намечать и использовать различные программы действий, оценивать и корректировать свою активность в зависимости от отношения к достигнутому. Следует подчеркнуть, что выбор одного из возможных вариантов и сам процесс окончательного принятия решения осуществляется намеренно самой личностью, что и определяет психологическую сущность произвольного регулирования как психологически свободного выбора в рамках возможных решений⁷. Таким образом, состоявшийся выбор, решение связывается с проявлением личностью возможностей саморегуляции, в том смысле, что человек сам исследует ситуацию, программирует свою активность и контролирует и корректирует результаты. Весьма существенным, в этом отношении является высказывание К.А.Абульханова-Славской, согласно которому способность личности к организации собственной активности; ее мобилизации, регулирования, согласования с объективными требованиями и активностью других людей — есть не что иное, как проявление субъектности личности⁸.

Вместе с тем, понимание готовности к риску как реализуемой человеком способности к самоконтролю и саморегуляции при заведомой неполноте информации или недоступности развернутой ориентировки начинает включаться в психологическое понимание рациональности. Как отмечают исследователи, действия человека могут одновременно характеризоваться и как рациональные, и как содержащие фактор риска, поскольку между целедостижением и целеобразованием всегда существует некоторое несоответствие⁹.

Необходимо отметить тот факт, что в современных подходах изначальное толкование риска как свойства необдуманых действий,

действий наобум или наудачу (т. е. не подкрепленное рациональной оценкой) претерпевает изменения в сторону отказа от противопоставления рискованных, нерациональных решений и осторожных, осмысленных — опосредствованных рассуждением. Современный контекст понимания риска в целедостижении ориентирован на тезис об ограниченной рациональности человека или мере рациональности в принятии решений. Не менее важным является в данном контексте и то, что сознательное ориентации на конечный результат и сознательные выборы средства его достижения признаются рациональными¹⁰.

Обращаясь к рассмотрению готовности к риску как динамическому образованию, определяемое активностью самого субъекта, весьма существенным является то, что осознанная саморегуляция активности субъекта не является, исключительно рациональным процессом, реализуемым когнитивными средствами. Будучи человеком, не только рационально отражающим действительность, в которую он включен множеством связей и отношений, но и эмоционально относящимся к отражаемому, субъект учитывает свое отношение ко всему отражаемому в сознании в связи с принятием решения, в том числе и в ситуациях риска. В связи с этим, особого внимания заслуживает вопрос о регуляторной роли субъективного благополучия как интегральной формы эмоционально-оценочного отношения человека к самому себе, различным сторонам своей жизни, определяющее характер переживаний, объединяющих чувства и эмоции, особенности восприятия окружающего мира, характер поведенческих реакций на внешние воздействия, стратегий поведения. Весьма существенным оказывается не сам по себе ход событий, а, прежде всего, отношение человека к тому, что происходит. Именно отношения, проявляющиеся во взаимосвязях человека с объективной реальностью, являются теми условиями, которые обеспечивают определенный уровень активности — с одной стороны, и определяют внутреннее переживание, ощущения, состояния, свойства субъекта (в целом, удовлетворенность жизнью) — с другой.

Непосредственная функция этих переживаний — это оценка деятельности, как удовлетворительной или неудовлетворительной с точки зрения достижения поставленных целей. Вместе с тем, они представляют собой «обратную афферентацию», которая информирует субъекта от успешности достижения «акцептора действия» (согласно концепции П.К. Анохина). В случае неуспеха — сигнализируют о необходимости «перепрограммирования» своей деятельности. Иначе говоря, эмоциональные переживания личности по поводу деятельности выступают в функции обратной афферентации. Они афферентируют активность личности как субъекта, направленную на изменение и оптимизацию деятельности. Неудовлетворенность личности результатами собственной деятельностью и собой как главным ее условием есть тенденция к самоизменению, импульс к развитию субъекта деятельности. В этой связи переживание субъективного благополучия (неблагополучия) обеспечивает побудительную регуляцию субъектной активности личности относительно себя и своей деятельности.

Отметим, что результаты ранее выполненного нами исследования, свидетельствуют о включенности субъективного благополучия в систему регуляторного процесса и выступающим в качестве одного из механизмов саморегуляции активности личности, проявляющегося в специфике организации субъектом своей активности. В этой связи, для выявления регулятивных возможностей субъекта вполне правомерным является наше обращение к изучению готовности к риску в соотнесении с характеристиками осознанной саморегуляции и субъективного благополучия личности.

В качестве диагностического инструментария нами использованы следующие методики: для измерения эмоционального компонента субъективного благополучия была использована шкала субъективного благополучия М.В.Соколовой (ШСБ); для диагностики готовности к риску и рациональности применен опросник ЛФР (Личностные факторы принятия решений) Т.В Корниловой; опросник ССП В.И.Моросановой (Стиль саморегуляции поведения) позволяет измерить представленность в активности человека различных процессов саморегуляции и

специфических регуляторных свойств: планирование, моделирование, программирование, оценка результата, общий уровень саморегуляции и регуляторно-личностные свойства — гибкость, самостоятельность.

Эмпирическое исследование проводилось на пропорционально подобранной выборке по 70 человек (учащиеся 11 классов общеобразовательных школ г.Саратова), отличающихся уровнем переживания субъективного благополучия (на достоверно значимом уровне).

Результаты сравнительного анализа (по t-критерию Стьюдента) средних значений свидетельствуют о межгрупповых различиях выраженности готовности к риску и рациональности в зависимости от уровня субъективного благополучия. Так, в выборке «благополучных» рациональность представлена более высоким показателем, нежели в выборке «неблагополучных», отличающейся наибольшей выраженностью готовности к риску ($p \leq 0,05$).

Сопоставительный анализ показателей выраженности компонентов саморегуляции в зависимости от уровня субъективного благополучия позволил выявить существенные различия в исследуемых выборках. Наибольшая выраженность таких компонентов «планирование», «оценка результатов», «самостоятельность» наблюдается в выборке «благополучных» ($p \leq 0,01$). Общий уровень саморегуляции отличается наименьшей выраженностью, нежели в выборке «неблагополучных» ($p \leq 0,05$). Эти данные можно интерпретировать как свидетельство относительной автономности, независимости в выдвижении и удержании целей, способности адекватно оценивать результаты своей деятельности и степень расогласования промежуточных результатов. В выборке «неблагополучных» наиболее выраженную представленность имеют показатели «программирование» и общий уровень саморегуляции, наименьшую — «планирование», «оценивание результатов», «самостоятельность» ($p \leq 0,01$). Иначе говоря, «неблагополучным» свойственно проявление тщательной детализации и развернутости разрабатываемых программ способов своих действий для достижения намеченных целей. Вместе с тем, самостоятельное

выдвижение целей, адекватная оценка достигнутых результатов и степени рассогласования промежуточных результатов вызывает затруднения.

Важное значение имеет и то, что общий уровень саморегуляции отличается наибольшей выраженностью в выборке с низким уровнем благополучия. Очевидно, переживание неблагополучия, неудовлетворенность собой и результатами своих достижений выступает одним из компенсаторных механизмов саморегуляции активности.

Корреляционный анализ позволил выявить взаимосвязи между изучаемыми параметрами в исследуемых выборках (табл 1, 2)

В выборке «благополучных» готовность к риску взаимосвязана показателями субъективного благополучия: напряжённость и чувствительность ($r=0,403$, при $p<0,001$) и показателями саморегуляции: программирование ($r = -0,320$, при $p< 0,05$), оценивание результатов ($r = 0,332$, при $p< 0,05$), гибкость ($r = 0,432$, при $p< 0,05$). Вместе с тем, выявлена взаимосвязь между готовностью к риску и рациональностью ($r = 0,227$, при $p< 0,05$).

Таблица 1

Взаимосвязи между параметрами готовности к риску/рациональности, субъективного благополучия и осознанной саморегуляции в выборке «благополучных»

Параметры	НЧ	УПД	СЭБ	ПЛ	ПР	ОЦР	М	Г
Готовность к риску	403	-	-	-	320	332	-	432
Рациональность	-	432	234	532	-	-	336	-

Примечание: в таблице представлены достоверно значимые коэффициенты, нули перед коэффициентом корреляции опущены; условные обозначения: НЧ – напряжённость и чувствительность; УПД – удовлетворённость повседневной деятельностью; СЭБ — индекс субъективного эмоционального благополучия; ПЛ – планирование, ПР – программирование, ОЦР – контроль и оценка результатов, М — моделирование, Г – гибкость.

Рациональность коррелирует с показателем удовлетворённости повседневной деятельностью ($r = 0,432$, при $p < 0,001$), индексом эмоционального благополучия ($r = 0,234$, при $p < 0,05$) и такими компонентами саморегуляции как: планирование ($r = 0,532$, при $p < 0,001$) и моделирование ($r = 0,336$, при $p < 0,01$). Иначе говоря, в выборке «благополучных» со свойственным им проявлением рациональности, принятие риска сопряжено с проявлением напряженности и чувствительности, тщательным продумыванием программ способов своих действий для достижения намеченных целей в соотнесении с оцениванием результатов своей деятельности. Вместе с тем, обращает внимание факт наличия взаимосвязи рациональность и готовности к риску, что свидетельствует о предпочтении «благополучных» разумного риска или ограниченной рациональности. Кроме того, переживание благополучия выступает некоторым «сдерживающим» фактором проявления личностью стремления к риску.

В выборке «неблагополучных» готовность к риску взаимосвязана показателями субъективного благополучия: значимость социального окружения ($r = 0,452$, при $p < 0,001$), удовлетворённость повседневной деятельностью ($r = -0,322$, при $p < 0,01$), индексом эмоционального благополучия ($r = -0,462$, при $p < 0,001$) и показателями саморегуляции: планирование ($r = 0,326$, при $p < 0,01$), программирование ($r = 0,315$, при $p < 0,01$), моделирование ($r = 0,342$, при $p < 0,01$), гибкость ($r = 0,232$, при $p < 0,05$), самостоятельность ($r = 0,199$, при $p < 0,05$), общий уровень саморегуляции ($r = 0,236$, при $p < 0,05$). Рациональность взаимосвязана с таким компонентом саморегуляции как оценка результата ($r = 0,234$, при $p < 0,05$).

Иначе говоря, отмечается повышенная активность в целеполагании на фоне проявления тщательной детализации и развернутости разрабатываемых программ способов своих действий для достижения намеченных целей, поиска источника информации об условиях, учет которых необходим для определения программы реализации деятельности.

Таблица 2

Взаимосвязи между параметрами готовности к риску/рациональности, субъективного благополучия и осознанной саморегуляции в выборке «неблагополучных»

Параметры	УПД	ЗСО	СЭБ	ПЛ	ПР	ОЦР	М	Г	С	ОУС
Готовность к риску	-322	452	-462	326	315	-	342	232	199	236
Рациональность	-	-	-	-	-	234	-	-	-	-

Примечание: в таблице представлены достоверно значимые коэффициенты, нули перед коэффициентом корреляции опущены; Условные обозначения: ЗСО – значимость социального окружения; УПД – удовлетворённость повседневной деятельностью; СЭБ – индекс субъективного эмоционального благополучия; ПЛ – планирование, ПР – программирование, ОЦР – контроль и оценка результатов, М – моделирование, Г – гибкость, С – самостоятельность, ОУС – общий уровень саморегуляции.

Вместе с тем, отмечается проявление критичности, взвешенности в оценивании результатов своей деятельности. Следует отметить, что, проявляя гибкость и самостоятельность, личность с низким уровнем благополучия не исключает поддержки окружающих.

Между тем, необходимо отметить различия в количестве связей между готовностью к риску, рациональностью и компонентами саморегуляции в зависимости от уровня переживания субъективного благополучия. Так, обнаружено большее количество взаимосвязей между показателем готовности к риску и компонентами саморегуляции в выборке «неблагополучных» (6 связей), нежели «благополучных» (3 связи). Иначе говоря, система саморегуляции неблагополучных, отличающихся большей выраженностью готовностью к риску представлена большим количеством значимых межкомпонентных связей, что свидетельствует о взаимодействии всех функциональных компонентов системы саморегуляции. Очевидно, что готовность к риску определяется в большей степени не абсолютными значениями

(выраженностью) тех или иных показателей саморегуляции, а изменением структуры взаимосвязей между её компонентами. Переживание субъективного неблагополучия, неудовлетворенности собой выступает одним из механизмов, активирующим процесс саморегуляции в ситуациях принятия риска. Иначе говоря, переживание субъективного неблагополучия актуализирует специфическую активность в ситуации выбора, отражающей возможности саморегуляции в реализации человеком рискованных решений или действий.

Необходимо подчеркнуть, что полученные данные, конечно же, не могут рассматриваться как полное решение проблемы детерминации «рискованных» проявлений активности личности. Они представляют собой в определенной мере выведенные ориентиры дальнейшего изучения проблемы готовности личности к риску.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Развитие адаптационных способностей выпускников школы в процессе взаимодействия с образовательной средой» (грант № 11-06-00716 а).

Примечания

¹Козелецкий Ю. Психологическая теория решений [Текст] / Ю. Козелецкий М.: Прогресс, 1979, 262 с.; Тихомиров О.В. Принятие решения как психологическая проблема [Текст] / О.В. Тихомиров // Проблемы принятия решения, М.: Наука, 1976. С. 77-81. 248 с; Petzold M. Kognitive Stile: Definitionen, Klassifikationen und Relevanz eines psychologischen Konstrukts aus wissenschaftshistorischer Sicht [Текст] / M. Petzold // Psychologie, Erziehung, Unterricht. 1985. Bd. 32. S. 161—177.

²Петровский В. А. Психология неадаптивной активности [Текст] / В. А. Петровский — М., 1992, 326 с.

³Кулагина Е.И., Корнилова Т.В. Мотивация, рациональность и готовность к риску в личностном профиле риэлторов [Текст] / Е.И. Кулагина, Т.В. Корнилова // Вопросы психологии—1995.— № 2. С. 105–112; Корнилова Т.В. Диагностика «личностных факторов» принятия решений [Текст] / Т.В. Корнилова // Вопр. психол. 1994. № 6. С. 99–109.

⁴Петровский В. А. Психология неадаптивной активности [Текст] / В. А. Петровский — М., 1992, 326 с; Петровский В. А. Личность в психологии: Парадигма субъектности [Текст] / В. А. Петровский. — Ростов н/Д: Феникс, 1996, 268 с.

⁵Корнилова Т.В. Диагностика «личностных факторов» принятия решений [Текст] / Т.В. Корнилова // Вопр. психол. 1994. № 6. С. 99–109.

⁶Там же.

⁷Прыгин Г.С. Психология самостоятельности [Текст] / Г.С. Прыгин — Ижевск, Набережные Челны: Изд-во Института управления, 2009. — 408 с.

⁸Абульханова-Славская К.А. Проблема определения субъекта в психологии [Текст] / К.А. Абульханова-Славская // Субъект действия, взаимодействия, познания. (Психологические философские, социокультурные аспекты – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2001., 256 с., С. 36–52.

⁹Корнилова Т.В. Диагностика «личностных факторов» принятия решений [Текст] / Т.В. Корнилова // Вопр. психол. 1994. № 6. С. 99–109.

¹⁰Петровский В. А. Личность: феномен субъектности [Текст] / В. А. Петровский — Ростов-на-Дону, 1993, 67 с.